

Рыцарь круглого стола

Моё детство прошло сначала в коммунальной квартире, где на общей кухне толкались внушительными попами четыре хозяйки, а потом в малогабаритной хрущёвке, с кухней аж в четыре с половиной квадратных метра.

Моя детская мечта была приземлённой и неромантической.

Я не хотел стать космонавтом или продавцом газированной воды.

Мне не нравилась военная форма. Я не хотел быть регулировщиком уличного движения с красивым жезлом в руке и звонким свистком во рту.

Я мечтал о... большом круглом столе!

Я видел этот стол — круглый, большой, стоящий на кухне (соответственно тоже не в четыре с половиной квадратных метра), за которым собирается вся семья!

Тогда я наивно полагал, что несколько поколений могут ужиться на одной кухне, конечно, если это не лабчие соседи, а дружная, большая семья.

Кстати, вспоминая классика, не только «квартирный вопрос» портит людей — сколько семей распалось, сколько семей просто не сложилось из-за «кухонного вопроса»!

Коммунальная кухня в те времена была нормой, мои мама и папа мечтали об отдельной квартире, которая тогда казалась роскошью, а зачастую, просто смыслом жизни.

А я... Я мечтал о большом, круглом (не знаю почему, но обязательно круглом!) столе... Хотя, может быть, потому что когда мы кое-как втискивались в габариты кухни и рассаживались за прямоугольным столом производства Киевской мебельной фабрики им. Тараса Бульбы, моя бабушка говорила: «Не садите ребёнка на угол, не женится до кладбища»!

Дмитрий Петрович Бирман — член Союза писателей России, автор многих книг в стихах и прозе, кандидат экономических наук, член редколлегии журнала «Дружба народов», организатор Международного Горьковского фестиваля. Живёт и работает в Нижнем Новгороде.

Прошло много лет... У меня на кухне стоит большой, круглый стол, за которым — время от времени — мы собираемся с компанией друзей.

С большой семьёй как-то не получилось...

Ушла бабушка, за ней дед и мамина сестра, мои двоюродные сёстры уехали жить в другую страну, а папин брат в пух и прах разругался с моей мамой...

Время от времени, когда уходит прочь дневная суeta, и дом погружается в сон, я выхожу на кухню и, не зажигая свет, усаживаюсь за большой круглый стол, и вижу то, чего уже давно нет, и тех, кто уже давно ушёл.

Я думаю, что правильно мечтал, только, наверное, всё же немного не домечтал...

Чёрный дядька

Часто по субботам мои родители ходили в гости к Красновым или те приходили в гости к нам. Дядя Яша и тётя Марина Красновы были врачами, их сын Лёшка, на три года старше меня, всё время умничал, а дочь Ритка — моя ровесница, как рассказала мама много лет спустя, прочилась мне в невесты.

Лёшка был в дядю Яшу (спокойный и странноватый), а Ритка была похожа на маму (яркая и эмоциональная).

Однажды дядя Яша принёс и показал тёте Марине анализ крови, в котором один из показателей превышал норму в тысячу раз, а через неделю (когда тётя Марина уже об-

звонила всех знакомых врачей и примеряла чёрное платье и траурное выражение лица), он спросил её:

— Марочка, ты ничего не заметила?

А когда тётя Марина стала пристально всматриваться в него, улыбнулся и добавил:

— Я ведь там, в анализе, единичку перед цифрой поставил...

Не знаю, как отреагировала тётя Марина, но несколько суббот ни мы к Красновым, ни они к нам не приходили. Потом как-то всё встало на свои места и взаимные походы в гости возобновились.

Мне было, наверное, лет семь, когда Ритка впервые рассказала мне про Чёрного дядьку. Мы болтали в детской, взрослые спорили в гостиной после чая с тортом, как вдруг погас свет. Пока папа с дядей Яшей меняли пробки (были такие предохранители, которые при перепадах напряжения перегорали), Ритка схватила меня за руку и стала шептать:

— Только бы не пришёл Чёрный дядька!

— Какой такой дядька? — смело спросил я.

— Ты не знаешь? — зловеще шептала Ритка — он приходит каждую ночь, поэтому я с головой закрываюсь одеялом!

— Как это? — удивился я, чувствуя неприятный холодок внутри.

— А вот так! Как только становится темно, он приходит и сидит под окном, — тут Ритка, не отпуская мою руку, присела, съёжилась и подняла голову вверх. Внезапно включив-

шийся свет (папа с дядей Яшей заменили перегоревшие пробки) злоевшими лучами отразился в её глазах.

Я вздрогнул, отдернул руку и, не смотря на бешено колотящееся сердце, сказал:

— Хватит врать, Ритка! Ерунда это! Не бывает Чёрных дядек!

— Да? — она усмехнулась той злой женской усмешкой, которая стала мне понятна много позже, — а ты попробуй ночью, посмотри: у тебя под окном он тоже сидит.

Всю дорогу домой я думал спросить у папы про Чёрного дядьку или лучше ночью проверить самому, кто там прячется под моим окном. В результате, я решил всё проверить сам.

Жили мы в то время на первом этаже. Летом, если родители наказывали меня за плохое поведение и не пускали гулять, а сами уходили на работу, я с помощью дворовых друзей выбирался через открытое окно на улицу, а потом так же возвращался домой. Тётя Женя, мамина сестра, которая приезжала к нам посмотреть телевизор в комнате родителей и присмотреть за мной, даже ничего не замечала. С того, что мы живём на первом этаже, и начались мои сомнения. Конечно, Чёрный дядька мог подкрасться в темноте, подождать под окном и ...

Первым делом я закрыл форточку в своей комнате, проверил шпингалеты на створках окна и плотно задернул занавески.

Когда стемнело, я, стараясь двигаться тихо и незаметно, выглянул из-за занавески в ночь и... увидел Чёрного дядьку, который сидел под

окном, у куста шиповника. Конечно, я закричал, прибежали папа и мама, я им всё рассказал, а они успокаивали меня, уверяя, что нет никаких Чёрных дядек, а папа открыл занавески и позвал меня убедиться, что под окном никого нет, просто чья-то старая рваная шляпа висит на кусте шиповника.

Я покивал головой, но не поверил им. Первый раз в жизни.

Когда настало время ложиться спать, я вспомнил Риткин рассказ и немедленно укрылся с головой одеялом. Под одеялом было жарковато, но уютно и очень спокойно. Я крепко уснул.

С тех пор я стал спать, тщательно подвернув под себя со всех сторон одеяло и укрывшись с головой. Со временем я начал брать под одеяло фонарик и читать перед сном книги.

Мне было стыдно, но Чёрный дядька преследовал меня лет до четырнадцати. Я старался не подходить к окну, если было темно, вообще — боялся темноты и, когда оставался один дома, обязательно включал везде свет.

Потом Чёрного дядьку вытеснили мысли о Ленке Малкиной и вечерние прогулки с друзьями, а когда я прочитал пушкинское «Моцарт и Сальери», то окончательно успокоился, поняв и приняв то, что у каждого, наверное, есть свой Чёрный человек.

Мне было лет тридцать, я возвращался вечером домой, в свою квартиру, где меня ждали жена и две маленькие дочки.

Я был расслаблен и доволен жизнью. Горбачёвская перестройка от-

крыла новые возможности, стали возникать кооперативы и частная собственность. Я — взрослый, самостоятельный мужик, плюнув на чьи-то советы и опасения, пошёл своим путём и (так я думал тогда), не ошибся.

Я зашёл в подъезд нового десятиэтажного дома, чтобы сесть в лифт, подняться на девятый этаж, нажать кнопку звонка и услышать, как мои девочки бегут наперегонки открывать дверь.

Света в подъезде не было, а лифт не работал. Тяжело вздохнув (в каждой руке по сумке с продуктами), я стал подниматься по лестнице.

Примерно на уровне третьего этажа я вдруг вспомнил про Чёрного дядьку... Те детские, давно забытые страхи, нахлынули на меня. Я стал двигаться осторожно и, по возможности, тихо. Перед тем как сделать шаг с лестницы на площадку, я сначала махал вперёд рукой с сумкой. Мне стало казаться, что за углом притаился Чёрный дядька, который решил, на этот раз, достать меня на верняка.

На седьмом этаже (только я отругал себя за идиотскую трусость), когда я, уже по привычке, махнул сначала сумкой, с криком: «Получи, сука!» из-за угла вылетела рука с зажатой в ней бутылкой. Бутылка рассекла воздух перед моим лицом, а следом вывалился подвыпивший мужик, потерял равновесие и бухнулся на пол передо мной. Я едва успел перескочить через него, развернулся и сумка (в ней была большая стеклянная бутылка молока) припечатала мужика прямо по башке!

Мужик заорал, на крик из квартиры стали выходить люди — да-да, в те времена на крики в подъезде люди открывали двери, а не закрывали — откуда-то появился фонарик, а вскоре включили свет в подъезде.

Всё оказалось смешно и банально. Мужик недавно заехал в квартиру на восьмом этаже. Какой-то доброжелатель сообщил ему, что, пока тот в отъезде, его жена ожидает другого — примерно в восемь часов вечера. Мужик специально вернулся раньше из командировки и, взяв пару бутылочек, встал в засаде, предварительно отключив лифт и свет в подъезде. Вот так.

Чёрные дядьки с тех пор перестали тревожить меня окончательно и бесповоротно.

Но только если в подъезде нет света, и не работает лифт, я прошу, чтобы меня кто-нибудь встретил.

Дядя Лёня

Лет с пяти, когда мы, взрослые пацаны из песочницы, стали определяться планами на будущее, у меня уже было совершенно чёткое представление, кем я хочу быть.

Серёга мечтал о фуражке с кокардой, толстому Женьке снилось, как он продаёт мороженое, Колян говорил, что уже умеет ездить на машине, а я... я хотел быть дядей Лёней!

Дядя Лёня поселился в доме напротив за месяц до моего пятилетнего юбилея и сразу полностью завладел моим вниманием.

В нашем унылом микрорайоне, полном серых панельных домов и неулыбчивых людей в серых пальто, появился сказочный герой.

Ярко одетый, вызывающе красивый и какой-то... свободный.

Конечно, всё это я осознал не сразу, но сразу же захотел быть таким же.

Лет в семь я понял, что он работает врачом, потому что папа однажды, когда мы, гуляя, встретили дядю Лёню, спросил его о средней температуре по больнице.

Смысл вопроса мне стал понятен много позже...

Однажды мы с друзьями решили препарировать (в то время, правда, я такого слова не знал) дохлую лягушку. Колян положил её на лавочку, а толстый Женька принёс из дома кухонный нож. Стояли мы, смотрели на неё, а решиться не могли. Вдруг подошёл дядя Лёня, взял из потной, толстой Женькиной руки нож, в два три взмаха сделал из лягушки демонстрационный материал и ушёл. Мы были в шоке, Женьку рвало, а Серёга добил нас неизвестным словом: «Хирург!»

Так вот, я не хотел быть хирургом, как дядя Лёня. Я хотел стать дядей Лёней-хирургом!

Лет в 12 я окончательно убедился в правильности своего выбора, потому что увидел, как моя мама, здороваясь с ним, чуть сморщила нос. Она всегда делала так, когда ей не нравилось моё поведение и, конечно, дядя Лёня стал просто моим кумиром!

В четырнадцать я дико завидовал джинсам «Вранглер», которые были в нашем микрорайоне только у него.

А с каким шиком он ходил в чуть сдвинутой на лоб фетровой шляпе!

В шестнадцать я, прыщавый юнец, вдруг понял, что дядя Лёня — просто красавец!

Высокий, широкоплечий, с сильными руками и уверенной походкой, а рядом — очередная красотка. Надо сказать, что этот мужчина с большими серыми глазами, смуглой кожей, тщательно постриженными усиками и гривой густых чёрных волос, конечно, привлекал внимание женщин. Правда, по какой-то неизвестной мне тогда причине, дольше трёх-четырёх месяцев они с ним не оставались. Было это, конечно же, постоянной темой для разговоров микрорайонных бабушек, раздражителем для наших мам и предметом зависти наших пап.

В общем — человек-загадка был моим идеалом. И моей тайной. Никогда и никому я не рассказывал о своей мечте.

После окончания школы папа настоял, чтобы я пошёл в строительный институт, по его, так сказать, стопам. Я не возражал, потому что знал — не поступлю, буду дядей Лёней-врачом.

Поступил. Но как-то так получилось, что дядя Лёня стал для меня... запасным вариантом.

Ну, например: на первом курсе, обиделась на меня Светка и перестала разговаривать, а я думаю себе: «Да и ладно, вон дядя Лёня — каждые три месяца женщин меняет».

Или на втором: половина группы в джинсах, а у меня их нет... Так не беда, хожу себе в папиной фетровой

шляпе, чуть сдвинув её на лоб — как дядя Лёня.

В общем, жил я себе с этой палочкой-выручалочкой, институт окончил, в другой город по распределению уехал, потом женился, потом мир вокруг стал совершенно другим, бизнес-шмизнес и т.д., и т.п...

И вот мне уже за пятьдесят, и папы, увы, нет, ладно мама — слава Богу — жива. Сидим мы как-то у неё, чай пьём и учёбу мою в институте вспоминаем. То да сё, и тут я про дядю Лёню спросить решил.

— Слушай, мам, а помнишь — дядя Лёня в доме напротив нашего жил, ты всё морщилась, когда с ним здоровалась, а папа про среднюю температуру по больнице спрашивал?

— Конечно, помню, — отвечает мама, — красавец-мужчина...

— Так чего же ты морщилась, — спрашиваю я.

— Понимаешь, сынок, всё же надо иметь особенное свойство психики и характера, чтобы работать патологоанатомом...

Я ехал домой в автомобиле, медленно и без музыки, с полным ощущением того, что жизнь прожита зря...

А потом прибавил газу, включил «Русское радио» и улыбнулся, радуясь, что так и не стал дядей Лёней!

Место силы

Во дворе нашей школы стоял турник. Знаете, такая П-образная железяка, которую лет сорок тому назад ставили во всех школь-

ных дворах для массового оздоровления и «физкультуризации» трудящихся (что, кстати, само по себе очень неплохо). На самом деле, железяк было три — для малышей, подростков и старшеклассников. Каждый год турники (мы их называли «перекладины») шурили, красили, и энергичная детвора принималась лазить по ним, время от времени сваливаясь в песок, который был уложен вокруг турников «для мягкости».

Я уже не помню, кто первым начал приходить летними вечерами на турник и болтаться на нём, пытаюсь изобразить некие гимнастические па. Точно помню, что это был вызов.

Тогда, в далёкой юности, считалось особым шиком расположиться на огромной «пришкольной» территории, в высокой траве, с бутылочкой красненького и гитарой. По сигаретному дыму, поднимающемуся над лебедой, можно было сразу определить, где и сколько компаний отдыхают после тяжёлого дня тягучих летних каникул. И вдруг...

Через неделю рядом с турником начали собираться человек семь. Каким-то непостижимым образом стало интересно, кто, извиваясь червяком, подтянется большее количество раз, а кто сумеет сделать «выход на руку», «выход на две», «склёпку», «краба»...

Эти словосочетания и обсуждение успехов (или неудач) на турнике наполнили нашу жизнь новым содержанием и, главное, изменили наши отношения.

Теперь около турника каждый вечер встречались человек двад-

цать-двадцать пять. Это были «ботаны» (хотя такого термина тогда ещё не было) и «хулиганы», старшеклассники и выпускники, которые, готовясь к институтским экзаменам летнего семестра, приходили «на перекладину» отдохнуть от зубрёжки.

Кстати, термин «на перекладину» абсолютно утвердился в нашей жизни. «На перекладине» назначали «разборки» и свидания, устраивали «показательные выступления» и соревнования. Неожиданно «ботан» Олег Пятаков стал героем «перекладины» и «хулиганы» перестали отбирать у него деньги, которые родители заботливо давали ему на школьные обеды, а «толстый Костян», головная боль учителей и гроза микрорайона, похудел в стремлении сделать «склёпку обратным хватом».

Когда меня спрашивают о ярких воспоминаниях юности, я, конечно, рассказываю об учителях, надеждах, мечтах... Но, если начистоту, самое яркое воспоминание — это встречи «на перекладине», а мечта — крутануть «солнышко» и не сорваться.

Школьный турник стал знаковым местом. Мы, окончив школу, ещё лет пять собирались «на перекладине», красили эту стареющую железку и болтали о жизни. Я знаю, как минимум, восемь пар, свадебное шествие которых началось «от перекладины».

Прошло тридцать пять лет. Каждый год двадцать второго июня, в день очередного выпускного, мы собираемся «на перекладине». Седые юноши, многие из которых уже стали дедушками, скидывают пиджаки, галстуки и начинают возвращение в

юность, лаская мозолистыми ладонями старую железку.

Горелый

Он всегда возвращался домой в шесть часов вечера. Шёл неторопясь, сутулый, ростом с пятнадцатилетнего пацана. Иногда он что-то напевал или бормотал. Чёрные без седины волосы зачёсаны назад, чёрный костюм и белая рубашка без галстука. Соответственно сезону добавлялось чёрное демисезонное пальто с чёрным шарфом или чёрное зимнее пальто с чёрной кроличьей шапкой. Да, — ещё перчатки! Вне зависимости от сезона он носил чёрные перчатки.

Мы, первоклашки, счастливые родители которых получили квартиры в новом микрорайоне, практически жили на улице, где нас интересовало всё и вся.

Сначала мы называли его «Чёрный человек».

Пару раз кто-то из особо смелых ребят пытался с ним заговорить, но он молча (по-прежнему неспеша) шёл и что-то бормотал. Когда мы стали постарше, то стали понимать, что Чёрный человек всегда был... выпивши. Именно выпивши. Мы, десятилетние пацаны, стали презирать его и называть «Горелый».

Дело в том, что всё его лицо было обожжено.

Узкие щёлки глаз без ресниц, ввалившийся нос, бесформенные губы. Страшная маска вместо лица. Совершенно невозможно было понять, сколько же ему лёт.

Горелый жил в доме напротив. Зимой мы кидали в его окно снежки и ждали, отодвинет ли он занавеску. Нам было интересно посмотреть в чѐм он ходит дома, так как мнения разделились. Сенька Стукин говорил, что Горелый носит дома чѐрный халат, а Миха Лягин утверждал, что Горелый дома ходит голым. Кто из них был прав, мы так и не узнали. Окно всегда было наглухо занавешенно. Даже летом.

Лето. Чудесная пора каникул. Те, чьи родители могли себе позволить поездку к морю, возвращались загоревшими и давали приложить к уху раковину — хотя бы послушать, как оно шумит.

Те, у кого были бабушки и дедушки в деревне, возвращались с толстыми щеками и угощали яблоками.

Я же относился к той категории, которая проводит месяц в школьном пионерском лагере, а два оставшихся — просто шатается по городу.

Середина июля. Мне двенадцать лет и я с такими же оболтусами, которым некуда было податься, тайно (родители не разрешали категорически!) съездил искупаться на Волгу и первым (мама приходила с работы в шесть вечера) вернулся домой. В ожидании ужина я сидел на лавочке и просто смотрел по сторонам. Вдруг я увидел Горелого. Он шѐл качаясь и, как обычно, что-то бормотал.

Он был сильно пьян. Его рука в чѐрной перчатке сжимала горлышко открытой бутылки водки. Он остановился, запрокинул голову, сделал глоток, помотал головой и увидел меня.

Время — удивительная вещь. Иногда оно летит так быстро, что мы не успеваем за ним, а иногда — минуты ожидания превращаются в часы.

Прошло много лет, а я как сейчас вижу тот июльский вечер, лавочку, съжившегося от страха мальчишку и Горелого, который сидит рядом и говорит, говорит...

У него был приятный баритон и больная, обожжѐнная душа. Он пил и говорил, вернее, рассказывал. Я не всё понимал, но — война, танк, Прохоровка — запомнил навсегда. Что-то было о любви, друзьях, жизни.

Был мат и слѐзы, которые он вытирал, сорвав перчатки, и я видел обожжѐнные кисти рук, пальцы без ногтей.

«Тридцать лет, — кричал он, — тридцать лет я живу во сне!»

Мне было очень страшно. Потом стало очень жалко его. Я попытался забрать уже почти пустую бутылку, которую он отдал, не сопротивляясь.

Пришла мама взяла нас за руки, привела домой и усадила за стол. Накормила, напоила чаем и велела мне проводить дядю Толю (тут только я узнал, как его зовут) домой.

Вечером папа рассказывал мне о Курской битве, о сражении под Прохоровкой и про командира танка дядю Толю.

На следующий день я всё рассказывал ребятам во дворе. Мы договорились теперь называть дядю Толю уважительно «Танкист».

А через месяц дядя Толя умер. Дома. Узнали об этом только через неделю — соседи почувствовали запах.

Его провозжали в последний путь в закрытом гробу. Перед гробом несли три подушечки, на которых лежали его боевые награды. В том числе звезда Героя Советского Союза.

Когда меня спрашивают: «Кто ваш кумир? Кто, по-вашему, человек года? Кто, как вы думаете, лучший по (неважно по чему)?» — я отвечаю, называя какие-то имена и фамилии.

Да, это имена достойных людей. Но!

Каждый раз я вспоминаю моего кумира, человека года и моей жизни.

Человека в чёрном, Горелого, Танкиста. Дядю Толю.

Запах свободы

Явлюбился сразу и навсегда. Она была на год старше, училась в десятом классе и за то, чтобы носить её портфель, сражались главные мачо (правда, этого слова тогда никто не знал) нашей школы.

Каждое утро я прибежал в школу за час до начала уроков, вставал в угол, недалеко от входной двери, и ждал.

Суетилась малышня, носились пятиклассники, входили серьёзные и деловые старшеклассники, но я не видел ни их, ни моих одноклассников, которые, посмеиваясь, хлопали меня по плечу.

Я ждал. Она появлялась в белом сверкающем облаке, оно светилось и... пахло. Это был запах чуда... Чудо звали Инна.

После того как она проплывала мимо меня, я погружался в глубокие раздумья.

Как? Как и — главное — чем я мог заинтересовать её?

Я, среднестатистический ученик, не отличник, не спортсмен?

В общем, через месяц мучений меня осенило! Я должен сразить её наповал тем, как я буду одет и, главное — как я буду пахнуть!

С одеждой решилось само собой. Старинный папин друг, дядя Веня, привёз из командировки на Кубу (о, как же тогда это было круто!) удивительно-модные вельветовые брюки.

Они были последним западным шиком. Широкие тёмно-синие и жёлтые полосы чередовались, создавая атмосферу солнца и океана. Я тут же примерил их и упросил маму немедленно подогнуть их по моему росту.

Теперь осталось придумать, чем я буду пахнуть. Выбор был не очень большим. Одеколony «Тройной» и «Шипр» я отмёл сразу, а «Саша» мне был не по карману. Собственно, выбирать больше было не из чего. Ещё немного помучавшись, я уговорил папу позвонить дяде Вене и спросить, нет ли у него какого-нибудь волшебного запаха. В результате я стал обладателем крошечной пробирочки, которую мне с улыбкой вручил дядя Веня и сказал, что это самый модный кубинский запах.

Я летел домой на крыльях любви (которая теперь-то уж наверняка станет взаимной), зажав в кулаке волшебный эликсир счастья.

Мой триумф был назначен на двадцатое мая.

Ранним солнечным утром я принял душ, впервые побрился папиным станком с бритвой «Нева», одел бесконечно-модные вельветовые брюки в сине-жёлтую полоску, белую рубашку навывпуск, папины белые парусиновые туфли (на два размера больше) полил из пробирочки расчёсанные на идеальный пробор волосы дурманящим запахом острова Свободы и двинулся в школу уверенным шагом победителя, с гордо поднятой головой.

Надо сказать, что в нашем микрорайоне на окраине города, люди не очень привыкли видеть с утра экзотических персонажей, которые вышагивают в самой модной одежде и пахнут самым модным запахом.

Сначала я относил их удивлённые взгляды к тому, что они были поражены тем, как же я всё-таки красив. Потом, когда шедшая мимо бабушка сплунула и перекрестилась, насто-рожился.

О, как я запомнил двадцатое мая, конец учебного года в девятом классе!

В тот день дежурной по школе была завуч по воспитательной работе Агнесса Павловна Бельдюкова. Она первой увидела меня, когда я взлетел на школьное крыльцо и уверенно распахнул входную дверь.

Она схватила меня за руку, быстро зажала в углу входного холла (том самом, из которого я любовался Инной) и прошипела: «Ты что в пижамах в храм знаний припёрся?! Со всем с ума сошёл?!»

Здесь надо сказать, я, конечно, представлял что такое пижама, но у меня её никогда не было, а спал я,

как все нормальные люди в нашем микрорайоне, в трусах и в майке.

«Агнесса Павловна... я... дядя Веня... Куба...» — выдавливал я из себя в полном ступоре.

«Да ты ещё и накурился с утра! Дышать нечем! — вдруг взвилась Агнесса Павловна, — Вон из школы! Чтобы вечером с родителями пришёл!»

Откуда же... ну, откуда я мог знать, что запах острова Свободы — это запах моря, солнца и... сигар.

Прошло два раза по столько лет, сколько мне было тогда.

Я был во многих странах, покупал одежду в бутиках, а на полочке в ванной комнате у меня — неплохая коллекция мужских ароматов.

Инна, моя любовь, к счастью, не видевшая моего позора, уехала в Москву, поступила в институт и навсегда исчезла из нашего микрорайона.

Река времени всё унесла, выровняла и стёрла.

Вот только я никогда в жизни не надевал пижаму и терпеть не могу запаха сигар!

Джинсы

На свете много удивительных и замечательных вещей. Нужных и не нужных. Понятных и странных. Красивых и своеобразных.

В одна тысяча девятьсот семьдесят восьмом году самой желанной, важной и недостижимой вещью для меня были джинсы.

Да, джинсы, в которых ходили кривоногие ковбои в далёкой Аме-

рике и которые в СССР тогда только начали появляться.

Мы знали их в лицо. Поимённо. По отстрочке определяя фирму.

От их названий веяло радостью и свободой: «Супер Райфл», «Вранглер», «Левайс».

Мы смаковали эти чуждые советской идеологии слова, а Галина Сергеевна, наш классный руководитель, пренебрежительно скривившись, втолковывала нам, что предмет нашего поклонения — это просто рабочая одежда.

Нам было, если честно, глубоко наплевать на её слова. Мы до судорог хотели эту рабочую одежду, даже если её до нас уже долго носили заграничные пролетарии.

Тем более что ношенные, «тёртые» джинсы, стоили значительно дешевле «новья», за которое нужно было отдать целое состояние.

Я не мог и мечтать о новых джинсах, а вот на «тёртые» упорно копил.

Лето после окончания девятого класса я провёл во вспомогательном цеху макаронной фабрики, постигая высокое искусство подготовки листов картона к изготовлению из него упаковочных ящиков для пачек с макаронами.

Через два месяца ударного труда меня выгнали за пререкания с вечным пьяным мастером цеха. Получив честно заработанные тридцать рублей, я загрустил. Моя мечта находилась от меня на расстоянии в двадцать рублей. Кстати: огромные по тем временам деньги для школьника!

До весны последнего, десятого учебного года я брался за всё что

угодно, лишь бы приблизить желанный миг обладания чудом.

Я помогал дворнику убирать снег и заливать водой каток, в зимние каникулы разгружал хлеб в булочной и даже продал Юрке Дяхову любимую серию марок эмирата Оман, с картинками великих мастеров, на которых, по странному совпадению, были изображены раздетые женщины.

Таким образом, я заработал ещё пятнадцать рублей, но этого было опять недостаточно.

Я пребывал в отчаянии...

Если честно, дело всё было в том, что я влюбился в конце девятого класса. Перед самыми каникулами, когда стало уже тепло и девчонки надели юбки одна короче другой, оказалось, что Ольга Макова стала ослепительно хороша. Тогда у меня и созрел план — как завоевать её внимание.

Теперь мой план был близок к провалу, Ольга после десятого класса хотела ехать в Москву, поступать в МГИМО, а там уже разве её чем-нибудь удивить....

Из предсудуцидального состояния меня вывел Андрюха Ветров, единственный мой друг, который не только знал про мой план, но и сам ждал джинсы, которые обещал ему привезти папа из заграникомандировки — к окончанию школы и вступлению, так сказать, во взрослую жизнь.

В середине апреля, накануне моего дня рождения, он ворвался в нашу малогабаритную «хрущёвку», сразу заполнив её до краёв.

— Во, Диман! — кричал Ветров, потрясая чем-то, упакованным

в плотную бумагу, перевязанную бечёвкой, — забирай, отдадут за сорок пять, только там молния сломана!

— Тётя Маша! — тут же взял мою маму в оборот Андрюха, — Вы же сможете молнию заменить, правда? Вон машинка-то у вас стоит, я давно заметил!

— Дядя Петя! — это уже папе, — а что, Диман давно так на диване валяется?!

При этом ответы Ветрову были не нужны. Пока я нехотя встал с дивана, ещё не осмыслив сказанное другом, он развязал бечёвку, эффектно разорвал бумагу и, как фокусник, разложил передо мной... джинсы.

Это были «US TOP» — «Вершина Америки», пошитые, как потом выяснилось, в Бразилии.

— А-а! — заорал я, метнулся на кухню, достал из жестяной банки в красный горошек, на которой было написано «сода», заветные сорок пять рублей и сунул их Ветрову, вырвав у него из рук долгожданное чудо!

Андрюха очумело молчал, мама растерянно смотрела то на меня, то на Ветрова, а папа довольно усмехнулся и пошёл курить на кухню.

С того самого момента мне, как принято сейчас говорить, «попёрло»!

Я надел джинсы, с любовно заменённой мамой молнией, на Последний звонок, который закончился для меня первым поцелуем с Ольгой Маковой.

Я был в них на вступительных экзаменах и поступил в институт!

Я хорошо учился и был любим, я легко шёл по жизни уверенной походкой победителя в «тёртых» джин-

сах, плотно и надёжно обтягивающих мой костлявый зад.

На третьем курсе я их продал и купил «Вранглер», — новые, с так любимыми мной «хулиганскими» карманами.

И вот что интересно. Вадик Галкин, друг моих друзей (ему «US TOP» был продан уже за шестьдесят рублей), через двадцать пять лет стал вице-президентом «ЛУКОЙЛа».

Иногда, когда становится тяжело, когда кажется, что жизнь зашла в тупик, я задаюсь одним и тем же вопросом: «Если бы я тогда не продал джинсы, стал бы я вице-президентом «ЛУКОЙЛа»?!»

Каникулы

Зимние каникулы совпали с морозами. Ждали мы их, ждали, вот и дождались — ни в хоккей погонять, ни на коньках покататься, ни в снегу друг друга повалить!

Солнце светило вовсю, небо было синее-синее, а столбик термометра не поднимался выше минус 27 днём, а ночью опускался до минус 34-х.

В пятницу мы радостно (кто в большей, кто в меньшей степени) завершили четверть и разбежались из школы с великими планами на ближайшие две недели.

А в субботу мама и папа клеили вторым слоем плотную бумагу на щели в оконных рамах. Клеили её на мыльный раствор, чтобы весной легче было отмывать, да и следов после неё не оставалось. В общем, в субботу я занимался ответственным делом, тщательно намазывая сколь-

зкую гадость на бумажную лапшу и подавая это то папе, то маме.

Последний понедельник декабря и первый день каникул начался с радости, что можно понежиться в постели, никуда не надо спешить, а главное, что некому меня торопить — родители ушли на работу.

Радость была недолгой — на кухонном столе лежала записка от мамы — с кучей заданий. Ну, допустим, сбегать в магазин за хлебом и молоком, я ещё мог себя заставить, а вот выбрасывать мусор было для меня настоящей пыткой.

Накинув пальто на домашнюю рубашку, сунув босые ноги в валенки и не надевая шапку, я выскакивал с мусорным ведром на улицу, бежал к железному контейнеру, в который вытряхивал содержимое ведра, стуча им со всей дури по неровному краю мусороприёмника.

Надо было, чтобы ни одной прилипшей бумажки не осталось! Когда стучать надоедало, происходило самое страшное — я руками доставал то, что не отлипало, бросал в контейнер, а потом яростно тёр руки снегом, пока они не становились красными и не начинали гореть.

Дело в том, что такой простой вещи, как полиэтиленовый пакет для мусора, вкладывающийся внутрь ведра и который потом, затянув вшитые сверху по контуру тесёмки, можно интеллигентно выбросить без шума и запаха, тогда не было.

Вот я и решил, что мамина записка подождёт, а я сделаю бутерброды из хлеба с маслом, положу шесть ло-

жек сахарного песка в стакан с чаем и устрою себе завтрак у телевизора.

Телевизионных каналов тогда было целых два, правда второй — городской — начинал работать часов с четырёх дня, и я включил Центральное телевидение.

Пацан, примерно моего возраста, в белой рубашке и с аккуратно расчёсанными волосами декламировал:

Ах, какой сегодня день!
Брызги сыплет солнце,
Снова звёздная сирень
Вымерзла в оконце,
Снова птичий перезвон
Мне надежду дарит,
И с морозом в унисон
Музыка играет...

Я бросился к окну, чтобы услышать «птичий перезвон», в надежде, что запели снегири. Улица была тиха и пустынна, лёгкая позёмка огибала картонную коробку из-под торта.

За моей спиной полный оптимизма голос продолжал:

Снова снег в шагах скрипит,
Пахнущий арбузом,
Снова сердце говорит,
Будто верит в чудо!

Последняя строчка примирила меня с «птичьим перезвоном», и я подумал, что неплохо бы посмотреть, как дальше будут развиваться события с коробкой.

Дело в том, что мой друг и одноклассник Владька Стуков любил по-

шутить. Одна из его шуток заключалась в том, что мало кто мог пройти мимо аккуратно-толстенькой коробки (из белого гладкого картона, с красивой надписью «Торт»), не пнув её со всей дури.

Вернее, шутка была не в этом.

Шутка была в том, что в коробке лежал кирпич.

На улице не было ни души и, доставив коробке терпеливо дожидаться очередного «футболиста», я устроился на диване с чаем и бутербродами. Собачий холод убивал надежду на сладкое безделье, когда можно убежать на улицу от всех домашних дел, а на мамино недовольство, что ничего не сделано, ответить:

— Так каникулы, мам! Я гулять ходил! Мне отдыхать положено!

В дверь позвонили. Я внимательно (как учил папа) посмотрел в глазок и открыл дверь — с радостным возгласом:

— Владька, привет!

— Привет, Диман! — мой друг был розовощёк с мороза и возбуждён, — собирайся, айда ко мне, у меня мать сегодня дежурит сутки.

Владькина мать, тётя Тамара, работала операционной медсестрой, сутки через двое.

— Ко мне должен к десяти Олега прийти, он у матери из шкафа бутылку вина спёр! — глаза Стукина блестели.

— А «Четыре танкиста и собака» посмотреть? — спросил я нерешительно, потому что тогда ещё побаивался этого сладко-манящего слова «вино».

— Да ладно, Диман! — наступал Владька, у меня телевизор посмотри! Тем более — я банку смородины припрятал!

Я мгновенно начал собираться. Владькина мама так готовила чёрную смородину, протёртую с сахаром, что невозможно было упустить представившийся случай.

Олег, приплясывая от холода, ждал нас у Владькиного подъезда.

— Ну, вы чего! — выдохнул он посиневшими губами, — я охоченел уже!

Бутылка была большой и красивой. Яркая этикетка гордо несла на себе неведомое, но манящее нас название. «Ром» было написано по-английски. Буква «о» одновременно ещё была и глазом темнокожей красавицы, которым она зазывно подмигивала.

— Это в честь города итальянского, — начал объяснять нам Олег, — в Италии лучшее красное вино делают!

— Да, наверно, обычная «бормотуха!» — скривился Владька.

— Олега, а город то, вроде, Рим называется, — осторожно заметил я.

Мама Олега работала директором винного магазина и это, конечно, внушало уважение к познаниям нашего друга. Правда, учитывая то, что мы (в свои целых десять лет!) алкогольных напитков не пробовали (хотя рассказывали друг другу о том, как это здорово), кое-какие сомнения всё же возникали.

— Да о чём разговор! — солидно отмёл все сомнения Олега, — разлить уже надо, выпить охота!

— Точно! — выпалил Владька и достал трёхлитровую банку с чёрной смородиной.

Под возгласы «Осторожно!», «Ну ты, разобьёшь», «Держи крепче!», я начал открывать бутылку. С задачей я успешно справился, правда, порезав при этом палец.

Пока я держал палец под струёй холодной воды, Олег разлил в стаканы бурюю жидкость.

— Точно «бормотуха»! — уверенно сказал Владька, — только пахнет приятно.

— Диман! — позвал Олега, — давай скорее, выпить охота, аж сил нет!

Что сказать... Давясь и кашляя, закусывая каждый глоток чёрной смородиной, протёртой с сахаром, которую черпали из банки столовыми ложками, мы выпили всю бутылку. До капли.

Пока вернувшиеся с работы родители безрезультатно искали меня у друзей, пока мама Олега плакала в кабинете начальника милиции, пока Владькина бабушка напрасно стучала в дверь квартиры, недоумевая, где может быть в такую погоду её внук, мы крепко спали, без сновидений и угрызений совести.

Собственно эту трогательную картину и увидела Владькина бабушка, когда слесарь из ЖЭКа, немного повозившись, сумел открыть дверь.

Она хорошо знала нас, и тут же сообщила нашим родителям о том, что мы уверенно встали на путь алкоголизма.

Описывать своё первое похмелье я не буду. Разговор с папой вспо-

минать не хочу. Скажу только, что каникулы теперь были посвящены важным делам, типа мытья посуды, хождения в магазин и постоянной очистке ведра для мусора.

Когда, радостные, мы встретились после каникул, Олега позвал нас с Владькой на перемене в туалет, где свистящим шёпотом, округляя глаза, сообщил нам, что всё понял.

— Пацаны, — шипел он, — всё дело в том, что ром нельзя заедать чёрной смородиной! Тем более, если она протёрта с сахаром!

Чокнутый

Первое (самостоятельное и удачное) решение я принял, стоя на подоконнике раскрытого окна, в кабинете химии.

Декабрьский ветерок бросал снежинки на моё лицо. Они мгновенно таяли, создавая иллюзию слёз, которые градом катятся по моим щекам.

Действительно, очень хотелось плакать. Олю Маркову, первую красавицу нашего класса, видели вчера с Михой Лягиным, моим закадычным другом.

Они шли (так мне рассказала дурнушка Хохлова) держась за руки, и смеялись. Наверняка Миха рассказывал очередную тупую историю из своей жизни чемпиона школы по боксу и отличника.

В общем, я проспори́л.

Конечно, посмотрев раз пять фильм «Девчата» (бестселлер моло-

дости моих родителей), я знал, что если предметом спора является дешёвка — это очень некрасиво.

Провокатор Лягин втянул меня в спор, зацепившись за слова.

Я признался ему, что влюблён в Маркову и пишу ей записки. В стихах. Она пока не отвечает, но уже заинтересованно смотрит на меня.

— Фигня! — сказал Миха и зевнул.

— Что фигня? — вскинулся я, ожидая дружеской поддержки, — стихи фигня? Да ты не читал, а говоришь!

— Фигня, что она поведётся на записки — Миха зевнул и потянулся, — лучше духи ей подари.

— Дурак ты! — я покраснел от негодования, — ничего не понимаешь!

— Давай я ей духи подарю, и она будет за мной бегать.

— Ничего у тебя не получится! Она не такая!

— Спорнём? — он протянул ладонь, которой легко можно было закрыть моё лицо.

— Давай! — хлопнул я своей ладонью по его лопате.

— Но! — Миха поднял вверх указательный палец, — кто проиграл, тот прыгает из окна кабинета химии.

Я согласился, совсем не подумав, что кабинет химии находится на третьем этаже.

Вечером, у дома, меня подстерегли трое пацанов из соседнего микрорайона и, воспользовавшись, что Лягина не было рядом, прилично отколошматили.

Дело в том, что наши микрорайоны враждовали, и мы не ходили

в их магазины (стараясь покупать продукты только в своём), а они — в наши.

Учитывая, что магазины в соседнем микрорайоне были намного ближе (от нашего с Лягиным дома нужно было просто перейти дорогу), Миха всё время ходил туда.

Местные ребята побаивались его кулаков и не трогали. Время от времени я становился его попутчиком.

Накануне я первым вышел из магазина, и ко мне тут же подошла эта тройка.

Только их главный, сплюнув, начал разговор типа «а чо ты тут делаешь», появился Лягин и быстро разобрался с хулиганами.

Вот они на мне и отыгрались.

Потом была годовая контрольная, стрижка «под ноль» (протест против запрета носить причёски, как у «битлов») и я совсем забыл о нашем споре.

Вернее, не то что бы забыл... Если честно, я был уверен, что Марковой я уже небезразличен.

Она ответила на мою очередную записку с виршами:

«Димочка, у тебя талант. Мне очень нравится».

Да, она была троечницей.

Да, она писала «нравится» с мягким знаком.

Да, она начала курить в восьмом классе (это было ужаснее ужасного).

Странно, но тогда в моих глазах это только добавляло ей привлекательности.

И вот, стою я на подоконнике раскрытого окна кабинета химии.

Класс замер.

Химичка — толстенькая, похожая на поросёнка, Эльза Ювенальевна, застыла с широко открытыми глазами.

А дальше...

Раз. Я поворачиваюсь к Марковой и кричу:

— Я или Лягин?!

Два. Наша красавица отворачивается от меня и с улыбкой смотрит на Миху.

Три. Мысленно извинившись перед родителями, я прыгаю вниз. С третьего, на всякий случай (!) этажа.

Сугроб мягко принял меня в свои объятия. Я начинаю различать чьи-то крики, но громче всего слышен злорадно-победный хохот моего лучшего друга.

Два последующих дня прошли в «разборе полётов».

Родителей вызывали к директору, собирали экстренный педсовет с повесткой дня: «Вопрос дальнейшего пребывания в школе ученика такого-то».

В результате всё обошлось.

Вечером второго дня папа (мама принципиально не разговаривала со мной) позвал меня на кухню и, закулив, сказал:

— Сынок, спорить нехорошо. Но: если проспорил — надо отвечать. Так что, в принципе, молодец. Правильное решение.

Папины слова про правильное решение оказались пророческими.

Маркова вышла замуж за Лягина, когда тот учился на третьем курсе университета. На пятом бросила его вместе с годовалой дочкой, уехав с новым возлюбленным в неведомые края.

А главное, я стал ходить в магазины через дорогу.

Хулиганы из соседнего микрорайона показывали на меня пальцем и говорили: «Пацаны, этого не трогаем, он — чокнутый!»

Татуировка

Я не люблю татуировки. Особенно у женщин.

То есть, я понимаю татуированных зеков, тем более, что у них, как правило, татуировка имеет смысл и предназначение.

А все эти розочки, иероглифы, бабочки и пантеры — кажутся мне конъюнктурной пошлостью и безвкусицей. Птички мне тоже не нравятся.

Дочка сделала на спине татуировку птички, что, собственно я и обнаружил на пляже благословенного турецкого берега.

— Т-а-а-а-к! Это что? — спросил я, глядя поверх её головы на переливающийся зелёный ковёр.

— Море, — философски ответила она.

— Нет! — я начал горячиться. — Вот это животное у тебя на спине!

— Папуль, это маленькая птичка, а не животное.

— И зачем здесь эта птичка?

Она молча стала собирать в пучок свои густые и волнистые волосы...

— Ну! И что мы будем делать с вашими патлами? — Ирина Павловна строго смотрела на нас, — я же сказала, что до уроков в таком виде не допущу! Сколько раз можно предупредить!

Мы с Михай Лягиным, моим одноклассником и закадычным другом, молча смотрели на Камею.

Ирина Павловна, завуч по воспитательной работе, была женщиной суровой и основательной. Строгий костюм, минимум макияжа, причёска «бабетта».

У неё был пронзительный взгляд и голос, от которого хотелось заткнуть уши, втянув голову в плечи. Так как пуговицы не всегда выдерживали напор её груди, она носила на блузке брошь с камеей.

Кстати, грудь у Ирины Павловны была — что надо!

Шёл одна тысяча девятьсот семьдесят седьмой год, мы, девятиклассники, бредили «Битлз», брюками «клёш» и женщинами с фигурой Мерилин Монро.

Правда, Миха больше обращал внимание на филейную часть, а я — на грудь.

— Шагом марш в парикмахерскую! Совсем распустились! И чтобы завтра с родителями пришли! — Ирина Павловна презрительно повернулась к нам спиной, давая понять, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Когда она строевым шагом направилась к очередной жертве (Танька Смирнова пришла без сменной обуви), Миха уважительно проводил её взглядом, чуть ниже поясицы.

— Вот ви кен ду, Майкл? — спросил я его.

Вообще, мы с ним были в отрицалове. Отрастили длинные волосы, забили на школьную форму и препирались с учителями.

С умниками из числа учащихся проблем не было, — к девятому классу Миха весил девяносто кило, а его кулак был размером с мою голову.

С преподавательским составом было сложнее. Нам симпатизировали только молодой учитель истории Борис Семёнович Духов и литераторша Тамара Сергеевна Сухова (у которой тоже была достойная грудь!)

Учитывая то, что Миха шёл на золотую медаль, нас, по нынешним временам, можно было бы считать оппозицией.

— Пошли в парикмахерскую, — тяжело вздохнув, мой друг двинулся в сторону выхода, а я уныло поплёлся за ним.

В парикмахерской номер пятнадцать пахло потом и тройным одеколоном.

— Диман, есть сорок копеек на «молодёжную»? — озабоченно спросил Миха, шаря по карманам.

Я посмотрел на свежескрашенные зелёные стены, на несвежие пеньюары, обёрнутые вокруг покрасневших шей, на сосредоточенных женщин с ярко накрашенными губами...

— Майкл, а давай «под ноль»?

— Чо, наголо?

— Ага! И нос всем утрём, и дешевле!

— Давай, Диман! Понтово!

За окном плыли по небу нежные кудрявые облака, а мои прекрасные

кудри падали рядом с креслом, как осенние листья...

«Мои волосы!» — удовлетворённо подумал я, глядя на дочь.

— Понимаешь, папуль, — взгляд её был серьёзен и сосредоточен, — мне очень хотелось татуировку, очень-очень.

— Ладно, — сказал я, видимо, разомлев под ласковыми солнечными лучами, — только обещай, что больше татуировок не будет!

Она подошла ко мне, обняла и прошептала на ухо:

— Конечно, папочка, только ещё лев, у которого на ухе сидит эта птичка. Я же Лев по гороскопу!»

Мороженое

Мороженое «Пломбир» было самым вкусным на свете. За девятнадцать копеек вы получали радость, счастье и удовольствие в вафельном стаканчике.

— Мам, ну купи, ну купи! — канючил семилетний я.

— Завтра, сынок! Завтра, после работы куплю.

— Хочу сейч-а-а-а-с! — я начинал подвывать, демонстрируя полную готовность к переходу в рёв.

— Завтра, сынок! На улице жарко, мороженое холодное, можешь горлышко простудить. Завтра принесу домой после работы, дома поешь.

— Н-е-е-е-т! — продолжал я начало плача Ярославны, — вон все едят! Я сеч-а-а-а-с хоч-у-у-у!

Мы стояли на автобусной остановке. Совсем рядом был киоск с волшебной надписью «Мороженое»,

к которому выстроилась небольшая очередь.

— Купи, купи, купи-и-и-и! — это уже было по нарастающей и люди, которые вместе с нами терпеливо ждали автобус, стали посматривать, то на меня, то на маму.

— Неужели нельзя подождать до завтра? — раздражённо прошипела мама.

Стоявший рядом солидный мужчина, с портфелем, в красивом бежевом костюме и бежевых сандалиях, громко, на всю остановку обратился к маме:

— Женщина, ну купите ему мороженое!

Дама в белой панаме и тёмных очках подхватила:

— Мамаша, что вы ребёночка нервничать заставляете? Или вам денег жалко на мороженое?

Мама вспыхнула, крепко взяла меня за руку и повела к заветному ларьку.

— Но есть его ты всё равно будешь дома! — сказала она, покупая выстраданный мной «Пломбир», — по дороге мороженое немного подтаает, я дам тебе ложечку и будешь брать по чуть-чуть!

Я был на всё согласен и радостно уселся к окошку, в только что подошедшем автобусе.

— Граждане, оплачиваем за проезд! — громкая и необъятная кондукторша двинулась вдоль сидений.

Когда она добралась до нас, мама, вежливо улыбнувшись, показала проездной билет и положила руку мне на плечо.

— А мальчику вашему сколько будет? — пытливо спросила бдительная кондукторша, видимо озадаченная маминой улыбкой.

— Ему можно без билета, — вежливо ответила мама, зачем-то доставая из сумки мороженое.

— Мне уже семь лет! — гордо заявил я.

«Семь лет» утонули в «Пломбиере», который мама ловко поднесла к моим губам.

Надо сказать, что для меня это явилось, с одной стороны, насиле-ем над личностью, и я обиделся. С другой стороны, в моих руках неожиданно-негаданно оказался приз, который мгновенно отрешил меня от реальности.

— Сколька? — бдительная тётя нависла над нами грозовой тучей.

— Да мы выходим скоро, — тихой скороговоркой ответила побледневшая мама, — маленький он ещё, давайте я его на руки возьму.

Шум на задней площадке отвлёк королеву рейса номер двадцать шесть. Пока она выступала третейским судьёй в споре дяди в бежевом костюме и тётки в белой панаме (на предмет, кто первый толкнул, а кто испачкал новые брюки) нам удалось благополучно проехать ещё три остановки. Необходимость сбора оплаты проезда с наполнивших автобус пассажиров, подарила ещё одну остановку.

Всё это время мама, сосредоточенно и не моргая, смотрела в одну точку, а я самозабвенно откусывал (а не ложечкой, по чуть-чуть!) кусоч-

ки вафельного стаканчика, разумеется, вместе с его содержимым.

— Дамочка впереди! — пророкотала туша на весь автобус, — собираемся за проезд оплачивать?!

Пунцовая мама встала и, подталкивая меня перед собой, пошла к выходу. Дверь захлопнулась. До нашего дома было ещё три остановки.

Я, гордо-обиженный, шёл, слизывая с пальцев остатки мороженого, и еле успевал за мамой.

— Всё! Устал! — выкрикнул я ей в спину. Мама обернулась, по её щекам текли слёзы.

— Мама, мамочка, не надо! — крикнул я, тоже заплакал и бросился к ней.

Она села на пыльную траву, усеянную шелухой от семечек и окурками, крепко обняла меня, прошептав на ухо:

— Всё хорошо, сынок! Я люблю тебя!

Неведомо было тогда мне, семилетнему, что у мамы в кошельке оставались последние двадцать копеек (на которые пришлось купить мороженое), а как раз на следующий день она должна была получить зарплату.

Последние тридцать лет — каждый год, пятого июля, я приезжаю к маме и привожу два «Пломбира».

Мы едим с ней это (пусть уже не самое лучшее на свете) мороженое, смеёмся, вспоминая автобус, и я снова чувствую себя маленьким мальчиком, который перестал плакать, обнимая маму.

Клюшка

Накануне Нового года, после ужина, папа закурил сигарету, выпустил вбок струю дыма, чтобы она не попала мне в лицо, и спросил:

— Сын, а ты уже написал письмо Деду Морозу?

Я, четырнадцатилетний оболтус, конечно же, не верил ни в каких Дедов Морозов поэтому не стал отвечать, а просто усмехнулся.

— И что вот ты лыбишься? — папа был серьёзен и строг, — ты же хотел клюшку, вот и напиши ему!

— Пап, давай ты мне её подаришь на Новый год и сам будешь Дедом Морозом?

— Нам премию только после праздников дадут, мы объект не успели сдать.

Я внимательно посмотрел папе в глаза и не увидел в них даже тени улыбки. Обычно, когда он шутил с серьёзным выражением лица, лукавые искорки проскакивали в его серо-голубых глазах, подсвечивая зрачки, которые становились в этот момент небесно-голубыми.

— Пап, хорош! — мой тон был раздражённо-обиженным, — я уже взрослый, а ты вдруг решил на этой ерунде меня подловить!

— Ладно, — грустно сказал папа, — тогда не пиши, — потом, пожевав губами, досадливо добавил, — если тебе не нужна клюшка.

Конечно, он заронил в мою душу сомнение.

— Ну, напишу, допустим, — испытующе смотрел на него я, — а дальше что?

— Как, что? — папа удивлённо поднял брови, — положи под ёлку и жди!

— Всё, пошутили — и хватит! — я махнул рукой и пошёл в свою комнату.

«Мишел, май бел» — отозвался магнитофон с космическим названием «Комета» после того, как я нажал клавишу «Пуск».

«Фигня какая-то» — сказало моё первое «Я».

Второе «Я», которое постоянно спорило с первым, возразило: «Папа-то серьёзно говорил, а вдруг?»

«Ерунда! — возмущалось первое, — он просто шутит».

«А зачем? — недоумевало второе, — попробуй, напиши!»

Я выключил магнитофон, уселся за письменный стол и вырвал из середины тонкой тетради двойной листок в клеточку. Взял карандаш и написал:

«Здравствуй, Дед Мороз!» Прочитал написанное, подумал, стёр ластиком “Дед”, аккуратно смёл с листка мелкие катышки, и аккуратно вывел “Дедушка Мороз!”.

В этот момент моё первое «Я» потерпело сокрушительное поражение, а второе — стало полностью руководить процессом.

Я писал о том, как люблю хоккей, как здорово в морозный солнечный день гоняться на коньках, с клюшкой в руках, за чёрным куском резины, который почему-то называют «шайба», хотя каждый пацан старше пяти лет знает, что в шайбе (так же, кстати, как и гайке) должна быть дырка, как завидую я другим ребятам у

которых есть красивые, обклеенные стеклотканью с пропиткой, загнутые для удобного и точного броска клюшки «ЭДОК».

В общем, у меня получилось убедительное послание, прочитав которое, Дедушка Мороз просто обязан был примчаться из Лапландии на тройке белых лошадей и под звон бубенцов вручить мне вожделенную клюшку!

Несмотря на то, что моё первое «Я» продолжало потихоньку бубнить, уверяя меня в абсурдности этой затеи, второе «Я», дождавшись, когда родители уснут (в нашей «хрущёвке» гостиная становилась ночью их спальней, после элегантного движения, превращавшего диван в кровать), прокралось к ним в комнату и положило письмо под ёлку, поставив на него Деда Мороза из папье-маше.

Утро первого января было солнечным и морозным. Открыв глаза в шесть часов, я стал терпеливо ждать, когда проснутся родители. Я слышал, как дворничиха тётя Вера чистит снег во дворе, как проснулся и заплакал двухмесячный сын у соседей сверху. Я очень надеялся, что папа скоро пойдёт на кухню и начнёт разбирать гору грязной посуды, сваленную в раковину к середине новогодней ночи, а я подожду его у двери и скажу с усмешкой:

— Ну, и где же клюшка от твоего Деда Мороза?!

От напряжения я незаметно заснул. Разбудил меня бодрый папин голос:

— Сынок, подъём! Проспишь праздничный завтрак!

Сбросив с себя одеяло, я метнулся

в комнату родителей. Под ёлкой ничего не было....

То есть, и Дед Мороз из папье-маше, и моё послание настоящему Деду Морозу были на месте, а вот клюшка....

— Я так и знал! — слёзы душили меня, — это всё враньё!

На мой крик с кухни прибежала мама, аккуратно держа перед собой руки, и в комнате сразу запахло селёдкой.

— Сынок, ты внимательно посмотрел? — вкрадчиво спросил папа.

— Да! — выкрикнул я ему в лицо.

— И за ёлкой смотрел? Может быть, Дед Мороз не под ёлку положил, а?

Я бросился к ёлке, заглянул за неё и... у стояка отопления, прислонённая к стене, стояла клюшка моих грёз!

Уверенной походкой победителя, нежно прижав к себе сокровище, на котором красными буквами было написано «ЭДОК» (которое для себя я расшифровал как Это Димина Отличная Клюшка), я пришёл на хоккейную «коробку», где уже весело гоняли шайбу мои друзья.

— Привет, Диман! — крикнул Владька, — родители клюшку подарили на Новый год?

— Не! — я уверенно выкатился на лёд. — Дед Мороз принёс.

Примерно час мы спорили про Деда Мороза. Компания наша разделилась на две равные группы. Одна — во главе с Владькой не верила, другая — во главе со мной соглашалась, что такое редко, но случается.

Ничто не могло омрачить мою радость. Ни Владька со своим недоверием, ни похмельный дядя Витя, который рассказал мне, что «ЭДОК» — это Экспериментальный Деревообрабатывающий Комбинат.

Я был очень, очень рад, что Дед Мороз есть и он может совершать маленькие чудеса.

Кстати, я до сих пор верю, что именно он подарил мне тогда клюшку, хотя писем ему больше никогда не писал.

Может быть, не хотелось разочарований?

Модная рубашка

Посылки из Америки ждала вся семья.

Бабушка предпочитала их сертификатам, на которые покупала в магазине «Берёзка» мохер, а потом продавала на рынке.

Сначала тётя Дора (так вся наша семья называла бабушкину родную сестру) посылала в далёкий и страшный СССР доллары, которые наше государство с удовольствием принимало, вручая счастливому получателю сертификаты.

Это были нарядные бумажки, и номинал на них значился уже в рублях.

Таковыми же бумажками выдавали часть жалованья морякам дальнего плавания и вообще, всем гражданам СССР, которые работали за границей. Для этих счастливых (ну и, конечно, для спекулянтов) в магазине «Берёзка» лежали на полках заветные заморские товары, от рубашек до холодильников.

В бабушкиной семье тётя Дора оказалась самой смышлёной. Из четырнадцати братьев и сестёр, которые неплохо жили в Брест-Литовске, после катаклизмов первой мировой и революционных событий выжили четверо.

Моя бабушка, успевшая выйти замуж и уехать в Нижний Новгород, Маня, подавшаяся в «революционеры» (так произносила это слово бабушка), Бенчик, проявлявший с детства недюжинные коммерческие способности, которые привели его в Санкт-Петербург в «смутные времена», и Дора.

Тётя Дора, которой было в то время только (или уже?) пятнадцать лет, укатила... в Америку. Выправила документы, что ей восемнадцать, выпросила у моей бабушки деньги взаймы, добралась до Санкт-Петербурга и нашла там Бенчика, который умудрился пристроить её на корабль, уходивший в Соединённые Штаты.

Больше от семьи не осталось никого.

Примерно в одна тысяча девятьсот семидесятом году бабушку пригласили в КГБ, где ласковый дядя вручил ей письмо с красивой маркой на красивом конверте, вежливо поинтересовавшись, что там написано.

Дело в том, что тётя Дора писала на идиш. Бабушка, обливаясь слезами (они уже мысленно похоронили Дорочку), прочитала вслух, что Дора Крамер, в девичестве Яхсин, проживающая в Бруклине, разыскивает своих родственников.

Судя по тому, как благосклонно дядя кивал головой, бабушка поняла,

что в КГБ тоже знают идиш.

Вербовать в разведчики её не стали, учитывая возраст и три класса образования. Дядя посоветовал ответить, рассказать о преимуществах социалистического образа жизни, не углубляясь в подробности.

Подробностями были двухкомнатная квартира на втором этаже двухквартирного деревянного (но ещё очень крепкого!) дома, отсутствие горячей воды и туалет на улице. Впрочем, учитывая то, что баня находилась в соседнем доме, условия были очень даже неплохие.

Бабушка ответила вновь обрётённой сестре, что всё хорошо, но иногда немного не хватает денег.

Тётя Дора стала отправлять ей доллары.

Вскоре бабушка решила укоротить цепочку: доллары — сертификаты — мохер — рынок — рубли. Она написала тётё Доре, что с деньгами ситуация выправилась и лучше присылать модные вещи, чтобы её дети и внуки, несмотря на изобилие в магазинах, выгодно отличались от окружающих.

Тётя Дора стала отправлять посылки.

Схема стала идеальной, даже по сравнению с классической. Товар — деньги! Просто и удобно.

Посылки из Америки ждала вся семья. В них приходили отрезки ширкарной ткани с люрексом и рубашки. Бабушка считала, что это продаётся лучше всего.

Она (на мой взгляд, справедливо) баловала внучек (папина сестра

умерла, когда они были совсем маленькими), которые щеголяли в блестящих платьях, а их мужья не покупали в магазинах рубашки.

Моя мама обижалась на бабушку. Она говорила, что та, как в известном анекдоте, продала (правда, за полцены) одну рубашку папе, а я вообще ничего никогда не получал от щедрот американской родни.

Мама обижалась, но терпела.

Правда, однажды, когда после Первомайской демонстрации мы пришли к бабушке в гости, мама сорвалась.

Первомайское шествие завершилось на площади Ленина, хотя, как мне кажется, оно должно было бы там начинаться. Бабушка жила совсем рядом, в десяти минутах ходьбы, и вся семья собиралась у неё.

Почему-то именно на Первомай бабушка пекла треугольники из теста с маково-ореховой начинкой. Как я узнал позже, эти треугольники, которые называют оменташ, или «ушки Омана», пекут на еврейский праздник Пурим.

Понятия не имею, по какой причине бабушка таким образом встречала пролетарский праздник, но именно из-за этой вкуснятины я терпел перфоманс флагов, радостно-пьяных «Ура!», и терпеливо шёл с папой и мамой до площади Ленина.

В бабушкиной квартире было тесно от родни. Мои двоюродные сёстры громко давали мужьям указания — как поставить стол и расставить стулья, их сопливые дети играли костылями дедушки (он вернулся с фронта без ноги), папа отрешённо

курил в сенях, а мама, поджав губы, помогала накрывать на стол.

Я обычно устраивался рядом со спокойно-ироничным дедушкой, который молча, с мудрой улыбкой, наблюдал за этой вакханалией.

Сёстры были в платьях из «посылки», а их мужья — в рубашках от туда же.

И всё бы ничего, только «болван Саша» (так его называла моя мама), муж Сони, возьми и спроси:

— Дядь Петь, а вы чего не в «американской» рубашке?

Папа дёрнул щекой и промолчал, а мама сорвалась.

Через месяц я стал обладателем шикарной белой рубашки из последней посылки. Бесплатно!

Такие рубашки пришли впервые и были особым шиком. мода, которая прорывалась к нам с Запада через «железный занавес», принесла в тот год новое звучное название — «нейлон».

Кипенно-белые рубашки из этого материала не мялись и легко стирались. Я, правда, сначала думал, что они светятся в темноте, потому что упорно слышал «неон» вместо «нейлон».

И вот, в начале июля, в яркий солнечный день, я надел прекрасную нейлоновую рубашку, чёрные брюки, чёрные (так называемые «выходные») ботинки и поехал к бабушке. Мама испекла пирог с мясом и отправила меня к ней, с миссией благодарности и примирения.

В автобусе мне стало невыносимо жарко. Пот ручьями стекал по спине, рубашка прилипла к телу. Не пони-

мая в чём дело, я протиснулся к окну и стал жадно хватать разогретый уличный воздух, пахнувший асфальтом и бензином.

Когда я вышел из автобуса на площади Ленина, то было ощущение, что я только что побывал в парном отделении бани, находившейся в доме рядом с тем, в котором жила бабушка.

Я помню, как папа привёл меня туда в первый раз, когда мне было лет пять.

Я, выпучив глаза, старался не дышать и рвался к двери, чтобы скорее выйти наружу. Папа, придерживая меня одной рукой, в другую взял веник, слегка похлестал им меня со всех сторон, не обращая внимания на мой рёв, и только потом вывел из парной. Зато наградой мне была газировка с вишневым сиропом, вкуснее которой, пожалуй, я никогда ничего не пил.

Я шёл по площади Ленина, залитой солнцем, тело и ноги горели, голова гудела, а единственным желанием было скорее прийти к бабушке.

Из последних сил я поднялся по лестнице на второй этаж, толкнул никогда не закрывавшуюся дверь, прошёл мимо оторопевшей бабушки (она долго не могла забыть, что я тогда с ней не поздоровался) и бухнулся на кровать в полуобморочном состоянии.

В школе я больше всего не любил химию. Будь иначе, возможно, я бы сообразил, что нейлоновую рубашку (даже если она модная) не нужно надевать в жаркий июльский день.

Бабушка голосила, дедушка пры-

гал около меня на одной ноге, забыв про костыли. Тётя Шура, соседка снизу, которая работала медсестрой в железнодорожной больнице, прибежала на шум, расстегнула мне рубашку и положила на лоб полотенце, смоченное холодной водой. Сердце перестало стучать молотом в моей голове, и я открыл глаза.

Бабушка закончила кричать и стала тихо плакать, дедушка сел на стул, шумно выдохнул и устался в потолок, а тётя Шура, успевшая сбегать вниз и вернуться с пузырьком, в котором был нашатырный спирт, открыла его и поднесла к моему носу.

Потом мы все, раздышавшись, пили холодный домашний квас.

Я сидел без рубашки и мне уже было смешно, когда бабушка, переходя с русского на идиш, ругала на чём свет стоит американскую сестру.

Муза

Она жила в доме напротив. Окна в окна. Рыжая, полногрудая и крепконогая.

Утром она расчёсывалась стоя у окна. Волосы были рассыпаны по её спине, ночная рубашка открывала моему жадному взору круглые плечи и сильные руки, усыпанные веснушками.

Она раскрывала занавески, брала в левую руку зеркало, в правую — то расчёску, то пинцет для выщипывания бровей, то пудру, то помаду.

А вот ресницы она не красила. Вообще непонятно, как у рыжей и голубоглазой женщины могли

быть чёрные, густые и длинные ресницы.

Потом она уходила вглубь комнаты, исчезая из моего поля зрения и возникала у кухонного окна с чашкой кофе и сигаретой. Она задумчиво смотрела в никуда, выдыхая дым в открытую форточку. Докурив сигарету и поставив пустую чашку на подоконник, она растворялась до следующего утра.

Каждый раз, наблюдая это действие, я хотел спуститься вниз, выйти из подъезда, попытаться заговорить с ней или пойти следом, чтобы узнать, где она работает.

Каждый раз, когда она плавно опускала сигарету в пепельницу, делала последний глоток кофе и растворялась, я бросался к письменному столу и начинал писать. Стихи. Они рвались наружу, царапая изнутри грудь и полнотью подчиняя меня себе.

Однажды жаркой июльской ночью я проснулся от жажды и пошёл на кухню попить воды. Сделав несколько глотков, я поднял глаза и увидел свет на её кухне. Абсолютно голый мужчина стоял спиной к окну и тоже пил воду.

Я был раздавлен. Я поклялся себе, что утром прослежу за ней и найду повод для знакомства.

Я не увидел её утром следующего дня. Она пропала. Исчезла. Растворилась.

Я не находил себе места, у меня пропал аппетит и сон.

Зато как много я стал писать! По три-четыре стихотворения в день.

Они были о далёком и близком, неизведанном и странном, о том,

что заставляет кипеть кровь и леденит душу.

Тогда я думал, что они о смерти.

Теперь считаю, что они о любви.

Через неделю я снова увидел её. Она наливала красную жидкость из бутылки в стакан и, чуть запрокидывая голову, пила. Её движения были легки и неторопливы. Когда бутылка опустела, она повернулась лицом к солнцу.

Я спрятался за занавеску, моё сердце разрывало грудную клетку и стучало в висках. На неё было невозможно смотреть.

Тогда я подумал, что она очень устала.

Теперь я думаю, что это были боль и страдание.

Я начал писать поэму. Моя разорванная в клочья душа требовала слов и рифм.

Лихорадка охватила меня и не отпускала, пока не была поставлена последняя точка.

Я решил — во что бы то ни стало прочитать ей мою поэму.

Я был уверен, что она всё поймёт. Я не сомневался, что после прочтения она снова станет прежней и позволит мне быть рядом.

Ещё через неделю, возвращаясь домой тихим звёздным вечером, вдыхая сладкий аромат свежескошенной травы и разглядывая яркие точки неведомых звёзд, я увидел её спящей на лавочке у подъезда дома, на который я смотрел каждое утро и каждый вечер.

Юбка задралась, обнажив крепкие ноги до трусов, блузка была растёгнута и белый бюстгальтер едва

удерживал грудь, которой, видимо, было очень тесно.

Одна туфля валялась рядом, а у скамейки аккуратно стояли пустая бутылка и стакан.

Кашель начал душить меня, я бросился прочь и нос к носу столкнулся с нашим соседом, очень известным и уже очень пожилым профессором философии.

Он взял меня за плечи и спросил: «Что случилось?»

Тут только я понял, что не кашель, а рыдания сотрясают меня. Торопливо и невразумительно я рассказал ему всё, что мучало меня и не давало покоя.

Помнится, даже начал читать ему свою поэму, но сбился и остановился.

Профессор взял меня под руку, и мы пошли под его неторопливо-рассудительную речь.

У нашего подъезда он остановился, посмотрел на меня с мудрой, доброй улыбкой и спросил:

— Кстати, молодой человек, а вы знаете, что такое «катарсис»?

Позвольте, ну откуда же я мог знать это слово?

В свои-то тринадцать лет!

Вехи жизни (Чулки и колготки)

Итальянский портной старался. Пока он несколько раз обмерял меня вдоль и поперёк, я думал о бренности жизни, о том, что когда-нибудь (надеюсь, скоро), с меня снимут мерку, чтобы нарядить в последний, деревянный «костюм».

Итальянец улыбался, приговаривая «моментико», работал, как и многие поколения его семьи. Каждый год портные из компании Ermenegildo Zegna приезжали в бутик «Евромода», предлагая выбрать ткань и заказать костюм, который, их стараниями, сделает вас абсолютно неотразимым.

Менеджер, радостно улыбаясь (видимо потому, что индивидуальный заказ стоил раза в два дороже костюма из новой коллекции), предложила мне кофе.

Она была молода и хороша собой. Когда девушка наклонилась, чтобы достать из нижнего ящика тумбы (которая служила итальянцу рабочим столом) чашку, её юбка поднялась, обтянув упругие бёдра и продемонстрировав кружева чулок.

Я засмотрелся...

Своевольное подсознание включило ретро-видео, на котором, пытая и злясь, я пытался справиться с застёжкой на левом чулке.

Да, да! Представьте себе, что году этак в 1965-м мальчики носили пояс и чулки.

Мама будила меня, наливала стакан любимого вишнёвого компота со словами:

— Сынок, одевайся в садик!

— Мам, ну ты хоть сегодня мне помоги! — канючил я каждое утро.

— Сынок, ты же у меня большой, а большие мальчики должны уметь одеваться сами!

— Хорошо! — обречённо соглашался я, — но только не чулки!

— Ну, какой же из тебя вырастет мужчина, если ты не умеешь одевать

чулки! — легкомысленно отвечала мама.

Я думаю, кстати, что это тот самый случай, когда такой диалог пришёлся бы по душе и натуралам, и представителям ЛГБТ.

Процедура надевания пояса для чулок, потом самих чулок, а затем — борьба с застёжками, пожалуй, самые тяжёлые воспоминания из детства (это, безусловно, говорит о том, что оно было счастливым).

Вскоре на смену чулкам пришли колготки, от которых я отказался наотрез.

Я не могу вспомнить, почему с чулками я как-то ещё мог смириться, а с колготками — уже нет. Может быть, потому, что стал старше.

Зато я очень хорошо помню, как кричал маме, радостно протягивающей мне, купленные «по благу», колготки:

— Я не одену, они «девчоночьи»! Я не буду позориться!

В общем, колготки я так и не дал на себя надеть, чем до сих пор очень горжусь.

Потом была история со школьной формой. Мы, восьмиклассники, упорно не хотели ходить, как «инкубаторские»!

А мода на длинные волосы! Мы только входили в школу, как бдительная Ирина Александровна уже говорила высоким тонким голосом:

— Вы, трое — в парикмахерскую! Я вас до уроков не допускаю!

Мы шли и стриглись наголо, становясь героями, школьной достопримечательностью.

Потом была мода на джинсы и жвачку, пакеты и тулупы, норковые шапки и мохеровые шарфы.

Когда я учился на первом курсе, то нашёл у деда в кладовке его кожаное пальто — длинный реглан, с поясом и облупившейся краской. Думаю, что к тому моменту пальто было лет сорок.

На следующий день, я гордо нёс его на себе в институт, накрыв (для завершения образа) голову папиной фетровой шляпой.

Мы носили и белые носки, и пре-красные китайские свитера с пухо-виками (их поставляли в наш город прямо из Поднебесной, в обмен на автомобили), и малиновые пиджаки.

Вместе со всеми, я шёл в фарватере меняющейся моды и вот...

— Ваш кофе! — менеджер «Евро-моды» была определённно хороша.

— Спасибо! — сказал я и, приня-мая чашку из её рук, слегка погладил нежную кожу.

Она многообещающе мне улыбну-лась и пошла навстречу новому клиен-ту, который только что зашёл в бутик.

Я смотрел на её ровную спину, чуть покачивающиеся бёдра, и ду-мал о том, как много возможностей дала нам новая жизнь.

Но, увы, она навсегда забрала у нас удовольствие от газировки за три копейки, праздники и скандалы коммунальных квартир, бесконеч-ную радость от того, что ты справил-ся с застёжкой на левом чулке и те-перь можно идти в детский сад.

Пётр и Павел

«**П**итер Блад, бакалавр меди-цины, раскуривал трубку, стоя у окна...»

Так (или примерно так) начина-лась книга Рафаэля Сабатини «Одис-сея капитана Блада».

Найденная в грудe макулатуры, собранной пионерами в светлом порыве помочь стране (в которой, как известно, с бумагой была напря-жёнка), любимая книга моего дет-ства сразу унесла меня в неведомые дали...

Корсары, Барбадос, Ямайка, Ара-белла...

Детская фантазия рисовала кар-тины битв и любви. Они были то приторно-романтичными, то злове-щими (особенно после того, как я уз-нал, что «блад» в переводе с англий-ского означает «кровь»!).

Я даже вырезал из дерева трубку и попытался курить её, набив таба-ком из папирос «Беломорканал», ко-торые стащил у папы.

Крепкий табак вызвал кашель, головокружение и тошноту, а папа терпеливо прочитал мне лекцию о вреде курения и взял с меня слово, что я не притронусь к его папиросам.

Я стал отращивать волосы, как у отважного капитана, но завуч по воспитательной работе, которая каждое утро проверяла на входе в школу чистоту обуви и длину волос (страна боролась с мерзким явлени-ем «хиппи»), отправила меня в па-рикмахерскую, где я, кстатi, в знак протеста постригся наголо.

Арабеллой мне мнилась одно-классница Ольга Морковина, кото-рая после того, как я начал разгова-ривать с ней на «вы», категорически отказалась со мной общаться, решив, что я над ней издеваюсь.

Я перечитывал книгу восемь раз.

Каждый раз я открывал что-то новое для себя и, наверное, изменялся сам.

Герои пиратских времён не представлялись мне людьми далёкими и нереальными, я видел их лучшие черты в моих друзьях, ну, а плохие, безусловно, приписывал врагам.

Особенно странным и неожиданным может показаться то, что где-то рядом с моим кумиром, капитаном Бладом, был... Павка Корчагин!

Да-да, тот самый несгибаемый коммунист, борец за правду и справедливость из романа Николая Островского «Как закалялась сталь».

Каким-то непостижимым образом в голове десятилетнего мальчика эти выдуманные герои оказались рядом.

Мама крайне удивилась, когда застала меня за чтением «Как закалялась сталь» и строго сказала, что мне ещё рано читать такие книги, что я в них ничего не пойму. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, что я недавно прочитал «Декамерон» Бокаччо, которого она тщательно прятала в шкафу, под постельным бельём?

Так вот, мне казалось, что горящий взгляд Павки в исполнении Василия Ланового вполне мог бы принадлежать Питеру Бладу, когда он отдавал команду «На abordаж!»

Как ни странно, но «романтика» строительства узкоколейки была не менее притягательна, чем романтика пиратской жизни...

Много лет спустя я перечитал обе книги, которые показались мне

наивными и уже не такими интересными.

А вот разочарования не было, потому что никогда и никто не убедит меня, что Павка Корчагин — это собирательный образ, а корсара Питера Блада вообще не было!

Герои моего детства по-прежнему где-то рядом, тем более, что моего лучшего друга зовут Павел, а сына — Пётр.

Подвиг

Свой первый и главный подвиг я совершил в возрасте семи лет.

Мои новые друзья-первоклассники стояли напротив и выжидающе смотрели на меня.

Было очень холодно и очень страшно.

Я представлял, как ребята, понурив головы, приходят к моей маме, а она молча смотрит на них и плачет. Папа стоит рядом с окаменевшим лицом и обнимает маму за плечи. Бабушка причитает, выкрикивая на идиш непонятные слова, а соседи с любопытством выглядывают из-за дверей.

Мне было очень страшно и очень холодно.

В конце лета мы (я, папа и мама) въехали в шикарные двухкомнатные (площадью аж тридцать два квадратных метра) апартаменты на первом этаже только что построенной «хрущёвки». В первую неделю я перезнакомился с дюжиной моих ровесников, которые осваивали дворовое пространство, присматрива-

ьясь друг к другу. Вскоре пятеро из них стали моими одноклассниками, мы задружились, вместе ходили в школу, вместе гуляли во дворе, вместе придумывали чем себя занять, пока наши мамы и папы строили светлое коммунистическое будущее.

От походов на соседние стройки (наши четыре дома были первыми в микрорайоне) нас быстро отвадили злые и вечно пьяные сторожа, а гонять в пыли мяч или играть в ножички нам уже надоело.

И вот тогда Владька открыл для нас новый мир, стацив у матери ключи от замка на люке, через который можно было попасть с пятого этажа на крышу. До люка нужно было добираться по шаткой металлической лестнице, поднимавшейся вверх с лестничной площадки пятого этажа. Владька снял навесной замок, после чего аккуратно вернул на место ключ, чтобы мать не хватилась, и позвал нас в неизведанное.

Мы гуськом поднялись на пятый этаж и, стараясь не шуметь, дабы бдительные жильцы пятого этажа не помешали нашей затее, забрались по лестнице, очень тихо открыли люк и оказались на крыше.

Ярко светило солнце, от его лучей нагревался и становился мягким рубероид, которым была оклеена кровля, чтобы дождь и талая вода весной не нарушали чудесную жизнь обитателей пятого этажа. Слова «пентхауз» тогда никто не знал, а в кооперативных домах, которых в нашем микрорайоне было большинство, первый и пятый этажи стоили дешевле остальных. Вскоре жители

первых этажей, которых стали переедически затапливать канализационные воды, и обитатели пятых, у которых осенью и весной с потолка капала вода (правда, чистая и без запаха), поняли причину более низкой стоимости своих владений.

Ну, это так, к слову, а тогда, на крыше новостройки, мы были первопроходцами, практически космонавтами. Нам, рождённым в год первого полёта человека в космос, уже грезились межпланетные перелёты. Мы молча и заворожённо смотрели во все глаза на открывшуюся панораму стройки, речки и леса вдалеке, дымных труб работающих заводов, только Жека напевал звонко и весело: «На пыльных тропинках далёких планет останутся наши следы!».

Вдоволь насмотревшись по сторонам, мы приступили к изучению крыши. В принципе, ничего особо интересного там не было. Телевизионные антенны начали устанавливать, если не ошибаюсь, только года через три, а кабельное телевидение и сотовую связь тогда ещё не изобрели. Больше всего нас заинтересовали невысокие «домики», которые были разбросаны по всей крыше, в том числе и недалеко от её края. Это потом уже, когда я учился в строительном институте, я узнал, что вентиляционные каналы из наших кухонь и ванных комнат выходят на крышу, там их обкладывают кирпичом, защищают сверху от попадания воды, а сбоку оставляют «окна», через которые, собственно и уходят все запахи. Вот эти самые «домики» нас и заинтересовали. Точнее, не все, а

те, которые находились примерно в полуметре от края крыши.

— А слабо с той стороны пробежать? — Владька чувствовал себя главным и хотел закрепить свой успех, — потянем спички?

В те ясные, чудные, светлые годы нашими кумирами были Павка Корчагин и молодогвардейцы — поэтому, конечно же, все молча кивнули головами.

— Другое дело! — Владька достал из кармана коробок, вынул из него пять спичек (по количеству потенциальных самоубийц), одну из которых обломил, сделав корочку, остальные оставил длинными, зажал их в руке, выровняв так, чтобы они казались одного размера и сказал с улыбкой:

— Тяните!

Короткую спичку вытянул я.

Мои друзья стояли напротив и выжидающе смотрели на меня.

— Может, не надо? — спросил шёпотом Жека, от чего мне стало ещё страшнее.

— Все же согласились! — возмутился Владька.

Я подошёл к краю крыши и посмотрел вниз. Лучше бы я этого не делал!

В паху заломило, а далёкая земля так притягивала к себе, что очень хотелось сделать шаг вперёд.

— Что, струсил? — подначивал Владька.

Мне было очень страшно и очень холодно. Но я не мог отказаться. Мысленно простившись с мамой, папой и говорящей на идиш бабушкой, я закричал:

— Аааааа! — и побежал...

Когда я очнулся, ребята хлопали меня то по одному плечу, то по другому, восклицая:

— Молодец, Диман! Не струсил! Здорово!

Только Жека вытирал слёзы на моих щеках.

С тех пор я не люблю крыши и стараюсь не смотреть вниз с балконов.

Если я очень устал или сильно понервничал, ночью мне снится сон, где я снова и снова бегу по краю крыши и, сорвавшись вниз, просыпаюсь.

Когда я открываю глаза, мне очень холодно и очень страшно...